

В.П. Булдаков

**РЕЦЕНЗИЯ: ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ
В 1880–1919 гг. : в 3 т. ТОМСК : ИЗД-ВО ТОМ. УН-ТА, 2013. Т. 1–3**

Хроники считаются самым архаичным способом сохранения знаний о прошлом. Однако они не только остаются необходимыми «путеводителями» по истории, но и подчас бывают активно востребованы современностью. Это связано с целым рядом факторов: желанием облегчить работу исследователя, который вынужден барахтаться в умножающихся потоках разнородной информации; потребностью в умножении исторического знания, в котором то и дело обнаруживаются очередные «белые пятна»; предохранением картины прошлого от всевозможных конъюнктурных деформаций, политических искажений и социологических «генерализаций». Добросовестная хроника теснит всевозможные легенды, вымыслы, домыслы и «открытия», которыми столь богата современная жизнь.

В некотором смысле жанр хроники в России переживает второе рождение. Правда, это главным образом касается военных действий [1]. Встречаются, вместе с тем, и хроники другого рода [2]. Однако оказывается, что даже самые «свежие» из них, увы, далеки от событийной полноты.

Приходится констатировать, что общественный интерес по-прежнему фокусируется на громких политических событиях и разного рода баталиях. Исследователи, со своей стороны, все еще не уделяют должного внимания социокультурному фону, на котором происходят подобные «ключевые» события. Как результат – в информационные «зазоры» и когнитивные «пустоты» легко вползают всевозможные «конспирологи». История начинает плясать под дудку шарлатанов.

Профессиональные историки, разумеется, противодействуют им. Не столь давно А.А. Ильюхов выпустил хронику о революционных событиях в Смоленской губернии, позволившую ему по-новому взглянуть на соотношение динамики событий в центре страны и на губернском уровне [3]. К сожалению, она малоизвестна. Между тем работы такого рода не оставляют камня на камне от представлений о верхушечном «заговоре», которого якобы оказалось достаточно, чтобы «перевернуть» не только страну, но и «потрясти мир».

В свое время я не случайно предпочел хроникальный способ исследования этнических конфликтов в России [4]. Дело в том, что предыдущие подходы к проблеме настолько исказили их реальную динамику, не говоря уже о содержании, что не оставалось ничего иного, кроме «возвращения к истокам».

К сожалению, нынешний бум регионалистских исследований (*local history*) все еще не повлек за собой должного внимания к анналам местного уровня. В из-

вестной степени это связано с тем, что кропотливый труд хроникера – удел настоящих подвижников, а не многочисленных соискателей ученых степеней и рейтингов. Тем более пристального внимания заслуживает данная обширная публикация.

Провинциальные анналы давно стали историографической нормой для сибирских исследователей. Примечательно, что в рецензируемой работе каждый том снабжен предисловием, включающим в себя анализ предыдущих хроникальных работ.

В свое время Э.И. Черняк уже инициировал составление целой многотомной серии хроник о самых различных по социальной и политической направленности съездах и конференциях в губерниях Сибири в «демократический» период от падения самодержавия до установления правления адмирала А.В. Колчака, включавшей информацию о 1 142 разномасштабных событиях такого рода. Рецензентами было справедливо отмечено, что «многое из того, о чем поведала хроника, просто отсутствует в научной литературе [5. С. 210, 212]. И пробелы такого рода предстоит непрерывно заполнять.

Данная работа является в известном смысле продолжением задуманного, причем не только в смысле расширения хронологических рамок. Это исследование качественно иного уровня. Как отмечается в редакторском введении, к хроникам сибирские и, особенно, томские историки обращались не раз, однако задачей исследователей «остаётся необходимость концептуального наполнения общественного движения, включения в него неполитической части» [6. С. 9]. Соответственно этому данный проект реализовывался на основании единой методики учета, записи, интерпретации фактов, разработанной в Томском университете применительно к общественному движению. Следует заметить, что работа облегчалась наличием «Сибирской жизни» – лучшей не только в Сибири, но и во всей России провинциальной газеты и способной конкурировать с наиболее информативными столичными изданиями. Разумеется, привлекались и другие газеты, включая малоизвестные. Это тем более ценно, что по понятным причинам всеобщий доступ к местным газетам затруднен.

В процессе поиска в периодических изданиях 1880–1919 гг., в фондах государственных архивов Сибири, Российской Федерации, опубликованных сборниках документов и исследованиях, а также личных собраниях документов были учтены проявления самых различных форм массовой политической и неполитической активности. Помимо политических партий, их легальной и нелегальной деятельности, всевозможных изби-

рательных кампаний, большое внимание уделено функционированию различных временных и постоянно действующих организаций, обществ, товариществ. Среди них научные, культурно-просветительские, благотворительные, досуговые, спортивные, трезвеннические и другие общества, включая организации этнокультурного характера. В целом они дают объемное представление о жизни губернии, ее особенностях.

С 1880 г. в Томской губернии действовало Общественное собрание, местное отделение Красного Креста, Общество попечения о тюрьмах, Благотворительное общество. Но скоро публичная жизнь провинции вышла за пределы так называемого образованного общества: в 1883 г. крестьяне д. Жерновки (Бийский окр., Убинская вол.) разгромили кабак, открытый вопреки желанию сельского общества. Впрочем, в с. Плешаковском того же округа местный священник, вошедший в сговор с кабатчиком, уговорил крестьян открыть питейное заведение, пригрозив отказом от исполнения треб (Т. 1. С. 51–55). Жанр хроники позволяет «сталкивать» разнородные и разномасштабные события, что дает эффект «голографическо-го» воспроизведения общественной жизни.

Не секрет, что современная историография склоняется к благостному описанию спокойного течения дореволюционного бытия, особенно в «сонной» провинции (которая далеко не всегда бывает таковой). Хроника показывает, что Россия толчками двигалась к революции – в том числе и на провинциальном уровне. Происходила тотальная фрагментаризация социального пространства.

1899 г. ознаменовался в Томске, как и по всей России, ростом активности студенчества. 24 февраля на сходку в знак протеста против разгона полицией студенческой демонстрации в столице в Томске собрались более 400 человек. А 6 марта во время проводов на вокзале высланных 36 университетских «бунтовщиков» один из участников митинга заявил, что готов «отправиться на виселицу за свободу человека» (1. С. 78, 79). Эмоциональная риторика тех лет уже начала дестабилизировать социальное пространство.

Первая русская революция «прославила» Томск вооруженным столкновением рабочей дружины и погромщиков. В результате действий черносотенцев погибли 66 человек. В данном случае, как и в некоторых других, составители не ограничились хроникальным упоминанием события, а восстановили весь его ход на основании источников, отложившихся в архиве (1. С. 34–36, 157). Достоинство всякой хроники (как и сборника документов) в том, что ее можно (и нужно) комментировать.

В настоящее время некоторые авторы полагают, что в годы Первой мировой войны российская общественность слилась в своего рода «патриотическом экстазе». На деле, начало войны, помимо этого, сопровождалось чередой бунтов призывников, а также активизацией черносотенных элементов (1. С. 352–356). В Томской губернии эта общероссийская тенденция вполне проявила себя. Хроника позволяет разглядеть внутреннюю амбивалентность понятных, казалось бы, явлений.

Сегодня забывается также, что в годы войны накал страстей в связи с дефицитом и дороговизной становился все сильнее. Из хроники видно, что июне 1915 в Новониколаевске (ныне Новосибирск) произошел голодный бунт солдаток (жен призванных в армию) (1. С. 367, 49, 373), а 10 февраля 1916 г. в «сахарном» бунте в Томске участвовали около 1000 человек. При этом из толпы кричали: «Сахару, сахару!», «Кровоопийцы!», «...Мужья проливают кровь, а от нас прячут сахар...» (1. С. 49, 373). Период конца 1916 г. – начала 1917 г. ознаменовался продовольственными погромами, экономическими стачками. Разумеется, действовали легальные потребительские общества, но одновременно возникали нелегальные профсоюзы, не говоря уже об активизации революционеров. Волновались даже военнопленные (1. С. 379–383).

К 1917 г. в Томской губернии насчитывалось свыше 200 общественных организаций, большая часть которых находилась в губернском центре. Переход власти к Временному правительству в губернии имел некоторые особенности: в Томске комитеты общественной безопасности возникли много ранее Советов, причем солдатский и офицерский советы организовались раньше Совета рабочих депутатов (соответственно 2, 9–10 и 29 марта). (Т. 2. Ч. 1. С. 34, 35, 50, 71, 139). Сразу же заметно активизировалось женское движение.

Не обошлось без «смущения умов»: 5 марта в резолюции собрания граждан (в основном солдат) указывалось, что свободной России территориальные приобретения не нужны, но единство с Польшей не должно быть нарушено, требуется также выход в Средиземное море, а внутри страны надо первым делом отнять землю у помещиков (2. 1. 50). Элементы классового сотрудничества сочетались с призывами к «борьбе с капиталистами». Пресловутая шпиономания отнюдь не утихла: по подозрению в государственной измене в конце апреля в Кузнецке был арестован административно-ссылный пастор Брилин (2. Ч. 1. С. 197). Продолжалось создание всевозможных союзов. Так, 9 мая одновременно возникли союзы кинематографистов, ресторанных служащих, электротехников и даже «служащих при колодцах». В тот же день состоялось экстренное собрание членов профсоюза «Маляр-художник», были распределены должности в Латышском культурном обществе, при архиерейском культурном доме был прочитан доклад священника М. Солнцева «Неотложные задачи пастырства», а Губернское народное собрание приняло постановление о борьбе с самогонкой (2. Ч. 1. С. 215–217).

Разумеется, на жизнь далекой провинции оказывали влияние события в столице. Так, 10 июля Совет солдатских депутатов Томского гарнизона решил организовать мирную демонстрацию в знак протеста против действий Временного правительства под лозунгами «Долой контрреволюцию!», «Долой министров-капиталистов!», «Вся власть Советам!» (2. Ч. 1. С. 341). С конца лета 1917 г. началась консолидация сил об-

ластников и эсеров на антибольшевистской платформе. С другой стороны, после корниловского выступления активизировались левые силы, зазвучали призывы о переходе власти к Советам, которые поддержал состоявшийся в Красноярске Первый съезд Советов Средней Сибири. Тем временем томское городское Народное собрание постановило установить для канцелярских и конторских служащих 6-часовой рабочий день с 1 мая по 1 сентября, а в с. Зарубино Кузнецкого уезда сельский сход, руководимый зажиточными крестьянами во главе с местным священником, постановил закрыть продовольственный комитет, а заодно устроил самосуд над двумя «подозреваемыми» (2. Ч. 2. С. 5–7, 14, 17). Хроника позволяет проследить распад общественной ткани на «городскую» и «сельскую».

Октябрьский переворот в столице в Томске был воспринят неоднозначно. 26–29 октября 1917 г. собрание рабочих и служащих Томской железной дороги приняло большевистскую резолюцию, приветствующую «создание единой революционной власти». 27 октября коалиционное совещание революционных организаций Томска и Исполком Совета рабочих и солдатских депутатов Новониколаевска высказались за поддержку образовавшегося в Петрограде «Временного революционного комитета» и постановило создать аналогичный местный комитет. И в тот же день в Первой мужской гимназии Томска образовался кружок «Сибирский спортсмен» – подобие скаутской организации (2. Ч. 2. С. 101–103).

В промышленных центрах большевики захватывали власть быстро и легко. В Томске ситуация была иной. Начавший свою работу в Томске 6 декабря 1917 г. Чрезвычайный сибирский областной съезд осудил большевистское выступление в Петрограде и принял положение «О временных органах управления Сибири». Внутри его возник так называемый национальный совет, призванный заниматься делами этнических меньшинств. Тем временем в зале университетской библиотеки при большом стечении публики студенты устроили литературный суд над Сальери. Казалось, жизнь идет привычным чередом, однако большевистский Совнарком вынес постановление о конфискации всех рудников и заводов Богословского горнопромышленного акционерного общества за неподчинение декрету о рабочем контроле (2. Ч. 2. С. 170, 171). Впрочем, проведение подобных мер в губернии стало возможным лишь после того, как 10 января 1918 г. большевиками был учрежден городской революционный трибунал, а 13 января – губернский, а в ночь на 26 января были арестованы депутаты Сибирской областной думы (2. Ч. 2. С. 227, 232, 249).

Вероятно, в прошлом ход Гражданской войны хроникеры осветили бы в особом томе. На мой взгляд, последовательное изложение событий, минуя известные хронологические водоразделы, предпочтительнее: страна втягивалась в военное противоборство не только по мере появления организованных очагов сопротивления, но и в связи с накалом страстей. Участились захваты оружия. К примеру, 28 марта эсерами было

похищено, а красногвардейцами возвращено оружие из казарм. В тот же день волостной съезд крестьянских депутатов с. Варюхино (Томский уезд) присоединился к решениям II губернского съезда крестьянских депутатов, заявив о своем признании Советской власти. А в Каинске произошел самосуд: толпа захватила некоего Г. Иванова, подозреваемого в убийстве 4 женщин, вывела на церковную площадь, где происходило отпевание убитых, а затем, согласно решению большинства, забила его до смерти. В этот день новониколаевские анархисты выпустили первый номер своего журнала, в котором объявили о своем идеале: «анархо-коммуны и конфедерация коммун» были призваны сменить весь старый строй (2. Ч. 2. С. 314, 315).

Третий, заключительный том хроники, начинающийся с июля 1918 г., охватывает полтора года существования антибольшевистских правительств. Жизнь в это время была не менее мозаичной, чем ранее: представленная информация охватывает около 2,5 тыс. событий. После выступления чехословаков «умеренно-социалистическую» власть в лице Временного Сибирского правительства рабочие и служащие Томска были готовы признать лишь настолько, насколько она будет «отстаивать права трудового народа». А 2 июня III общегородская конференция делегатов томских профсоюзов потребовала прекращения произвольных самочинных политических арестов и освобождения всех членов профсоюзов и партийных работников под угрозой всеобщей забастовки. Тем не менее без «эксцессов» не обошлось: 4 июня в Новониколаевске «при попытке к бегству» было убито пятеро большевиков и левых эсеров; 8 июня в с. Крапивино (Кузнецкий у.) белогвардейским отрядом были высечены, а затем расстреляны члены волостного совета; 16 июня отступавшие из Кузнецка на пароходах советские и партийные работники попали в засаду, в результате чего было убито 65 человек, некоторые из попавших в плен были расстреляны (3. С. 13–15, 18, 25).

В целом становится очевидным, что если установление антибольшевистской власти сопровождалось заметной интенсификацией общественной жизни в городах и сельской местности, то уже к осени 1918 г. она заметно ослабела, а с приходом к власти адмирала А.В. Колчака стала угасать. Тем не менее функционировало городское и земское самоуправление, расширилось влияние церкви на общественную жизнь. В сентябре 1918 г. оживились местные кадеты, представители духовенства, различные национальные организации. С другой стороны, рабочие настаивали на сохранении 8-часового рабочего дня, в Новониколаевске белогвардейцы предотвратили попытку вооруженного выступления (3. С. 129–131). В этот же период нарастает сопротивление существующей власти, включая повстанческо-партизанское движение в сельской местности. 18–28 октября 1918 г. в так называемом Чумайском восстании участвовали около 7 тыс. вооруженных крестьян 30 сел и деревень 10 волостей, а в ночь на 1 но-

ября произошло восстание политзаключенных Томской тюрьмы, в результате которого около 100 его участников, а также 11 солдат и офицеров погибли. Развернулись действия нескольких партизанских отрядов (З. С. 153, 160–161). Особенностью партизанского движения в губернии был ее отрядно-групповой характер, в отличие от очагово-территориального, присущего Алтайской и Енисейской губерниям.

После колчаковского переворота 18 ноября 1918 г. клубы политических партий и профсоюзы к концу года, согласно донесению губернского комиссара в МВД, «влачили жалкое существование, встречая к себе скудное сочувствие и поддержку даже среди рабочей и крестьянской массы» (З. С. 185). Начало 1919 г. было отмечено, с одной стороны, созданием новых подпольных организаций и частичными победами забастовщиков, с другой – арестом в Томске сторонников Советской власти и захватом партизанским отрядом П.К. Лубкова местных органов власти в с. Калыон (Мариинский у.) (З. С. 188–189).

Последние дни правления Колчака отмечены активизацией партизан, убийств ими должностных и частных лиц. С другой стороны, в Каинске при эвакуации тюрьмы произошел массовый расстрел заключенных (З. С. 337–339, 342–344). 5 декабря 1919 г. на заседании реввоенсовета 5-й Красной армии было решено «пополнять партизанами основные дивизии, не допуская существования отдельных партизанских отрядов». Тем не менее 21 декабря г. Щегловск был захвачен партизанским отрядом Г.Ф. Рогова, были разгромлены учреждения и школы, разграблены магазины. Последним событием, отмеченным в хронике, стал переход в декабре 1919 г. в Мариинском уезде на сторону партизанского отряда под коман-

дованием Данилова 7-го Степного кадрового полка численностью 800 солдат и 40 офицеров вместе с его командиром полковником Осиповым. Примерно в это же время в Новониколаевске проходил Первый Всесибирский кооперативный съезд неторговых отделов (З. С. 349, 359, 364, 365). Обыденная жизнь шла своим чередом, несмотря на смену политических режимов.

Комментировать хронику можно до бесконечности. Важно отметить, что она позволяет по-новому увидеть знакомые, казалось бы, события. Но ее значение не только в этом.

Всякая последовательная фиксация не столь отдаленных событий, при всей своей позитивистской «наивности», обладает уникальным «самосовершенствующимся» качеством – она может пополняться и уточняться, образуя твердеющую опору исторического сознания. Анналы не обесцениваются, ибо взросление человечества предполагает все более пристальное вглядывание в свое прошлое – оно живет в нас, как одно из бесконечно множасьих измерений настоящего. В этом смысле бесстрастные хроники «несуразных» деяний смутных времен – наиболее своевременное «напоминание о будущем».

Есть ли у данного издания недостатки? Думаю, что те или иные события необходимо более активно снабжать комментариями. Чрезвычайно интересными были бы статистическое обобщение и классификация указанных в хронике материалов по ряду оговоренных критериев, что может стать полезным для науки источниковедческим исследованием. Возможно, в колонтитуле нужно отмечать год, о котором идет речь в тексте. А в целом, мы получили от томских историков необходимое, очень интересное и полезное для исторической науки издание.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сульдин А.В. Битва за Москву. Полная хроника – 203 дня. М., 2014.
2. Антонов Б.И. Петербург – 1914 – Петроград. Хронологическая мозаика столичной жизни. М., 2014.
3. Ильюхов А.А. Революция 1917 года на Смоленщине. Хроника событий. Смоленск, 2007.
4. Булдаков В.П. Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М., 2010.
5. Рец. Л.М. Горюшкина, В.И. Миллера, А.Д. Степанского на: Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Сибири (март 1917 – ноябрь 1918 гг.) // Отечественная история. 1994. № 3.
6. Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880–1919 гг. : в 3 т. Томск, 2013. Т. 1.

Buldakov Vladimir P. Institute of the Russian history of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: novistiriran@mail.ru

REVIEW: POLITICAL LIFE OF THE TOMSK PROVINCE IN 1880 – 1919 IN 3 Vol. TOMSK : PUBLISHING HOUSE TOMSK UNIVERSITY, 2013. 300 COPIES. Vol. 1–3.

REFERENCES

1. Sul'din A.V. *Bitva za Moskvu. Polnaya khronika – 203 dnya* [The battle for Moscow. The complete chronicle – 203 days]. Moscow, 2014. 148 p.
2. Antonov B.I. *Peterburg – 1914 – Petrograd. Khronologicheskaya mozaika stolichnoy zhizni* [Petersburg – 1914 – Petrograd. A chronological mosaic of the capital life.]. Moscow: Litres Publ., 2014. 3525 p.
3. Il'yukhov A.A. *Revol'yutsiya 1917 goda na Smolenshchine. Khronika sobytiy* [The revolution of 1917 in Smolensk region. Chronicle of events]. Smolensk: Smyadyn' Publ., 2007. 333 p.
4. Buldakov V.P. *Khaos i etnos. Etnicheskie konflikty v Rossii, 1917–1918 gg. Usloviya vozniknoveniya, khronika, kommentariy, analiz* [Chaos and ethnos. Ethnic conflicts in Russia in 1917–1918. Conditions, chronicle, comments, analysis]. Moscow: Novyy khronograf Publ., 2010. 1090 p.
5. Goryushkin L.M., Miller V.I., Stepankiy A.D. *Retsenziya na: S"ezdy, konferentsii i soveshchaniya sotsial'no-klassovykh, politicheskikh, religioznykh, natsional'nykh organizatsiy v Sibiri (mart 1917 – noyabr' 1918 gg.)* [Review on: "Congresses, conferences and meetings of social-class, political, religious, national organizations in Siberia (March 1917 – November 1918)]. *Otechestvennaya istoriya*, 1994, no. 3.
6. *Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' Tomskoy gubernii v 1880–1919 gg.*: v 3-kh t [Social and political life of Tomsk Province in 1880–1919: in 3 vol.]. Tomsk, 2013. Vol. 1.